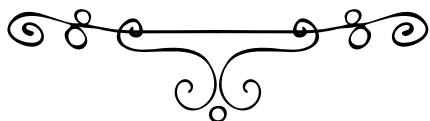

ЭКСПЛЕТЫ

Эксплеты.
ЛЕБЕДИНАЯ БАШНЯ

Эксплеты.
СОВЕТ ДЕВЯТИ

ИРИНА
ФУЛЛЕР

ЛЕБЕДИНАЯ

БАШНЯ

МОСКВА
2021

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос = Рус)6-44
Ф94

Дизайн обложки
Алёны Ягупьевой и Екатерины Тинмей

Внутренние иллюстрации *Тамары Голубовой*

Фуллер, Ирина.

Ф94 Эксплеты. Лебединая башня / Ирина Фуллер. —
Москва : Эксмо, 2021. — 448 с.

ISBN 978-5-04-118421-6

Из-за жуткого предсказания принцесса Омарейл провела в Лебединой башне двадцать два года. Вот-вот должен явиться принц, который ее вызволит, но в этой истории все по-другому.

Спасать принцессу нельзя, да ей и нужно-то всего лишь одним глазком взглянуть на Астрар, столицу королевства. Правда, это только поначалу.

Вскоре Омарейл начинает искать способ стать ученицей одной из школ. То, что никто не знает, как она выглядит, ей только на руку. Принцессе Ордора предстоит узнать, каково это — быть простой девушкой, кто претендует на ее руку и сердце и, главное, кто такие эксплеты.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Фуллер И., 2021
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2021

ISBN 978-5-04-118421-6

Пролог

Двери закрылись наглухо, так, что в комнату из коридора не доносилось ни единого звука. Это к лучшему: ребенок мог проснуться от громкого голоса отца, от всхлипов матери, от увещающих слов десятка мужчин и женщин. Долг и тщеславие закрыли эти двери, и открыть их могло лишь преступление. Этого не должно было случиться.

Младенец остался один.

I

Черная Башня

«Крепость Орделион была построена как оплот возникшей династии Доминасолис на берегу полноводного Рейнфло, в самом сердце Ордора. Ее крепкие каменные стены ни разу не осквернила кровь врага, ибо власть монархов была крепче и вернее любой башни Орделиона. Лишь однажды за пять веков положение Короля пошатнулось, когда Урдрик Ужасный в 322 г. династии Доминасолис отверг право Совета Городов на вето и едва не развязал междоусобную войну. Урдрик трагически погиб во время обхода крепости, упав с Черной башни, после чего власть перешла его брату Вейду и порядок в Ордоре был восстановлен».

Пожелтевшие от времени страницы, на которых сухо описывались мрачные события давних лет, затрепетали в бледных худых пальцах Омарейл. Она отложила в сторону старый учебник истории и обошла массивный письменный стол, чтобы еще раз взглянуть на план Орделиона. Уже в который раз изучив путь от Часовой башни к Черной, она притянула к себе другой увесистый том, открытый примерно на середине, и впиалась взглядом в текст.

«...после чего цареубийцы покинули замок, оставшись незамеченными для стражи. Королевская стра-

жа не была предана Урдрику, но именно в Орделионе были поставлены люди, которым Король доверял больше, чем кому-либо. Дарион по-прежнему оставался при Урдрике и лично отбирал стражников в замок. Я уверен, насколько может быть уверен человек, когда дело касается чужой души, что Дарион был по-настоящему предан Урдрику. Ходят слухи, что их связывали кровные узы, но у меня нет никаких тому подтверждений...»

Омарейл раздраженно пробежалась взглядом по строчкам, где старый летописец рассказывал об отношениях Урдрика с его ближайшим кругом, и ткнула пальцем в абзац, в котором говорилось о побеге царевубийц из-под носа у стражи. Здесь она снова начала вчитываться в каждое слово.

«Стража стояла на входе и выходе Последней стены, на площадках каждой башни, Северные Ворота были заперты, а на Часовой башне над ними всегда дежурили лучшие солдаты. С моря Орделион охраняли три небольших судна. Поэтому нам и по сей день неизвестно, как преступники смогли проникнуть на площадку Черной башни, убить четырех стражников и Короля, а затем исчезнуть незамеченными. Но вот что мне известно: в деле был замешан и Вейд. Последний все детство провел в замке и знает, должно быть, все его тайные ходы. Так, полагаю, убийцы и проникли в крепость».

Омарейл снова вернулась к изучению плана Орделиона. Где-то здесь, в Черной башне, должен был быть секретный ход, по которому можно тайно пробраться в крепость и так же тайно покинуть ее.

Еще три месяца назад она перерисовала все лестницы и площадки Черной башни на большой лист, чтобы дотошно измерить каждый поворот, каждый угол, каждую стену и выяснить, где прятался этот потайной ход. Но, увы, обычный план не раскрывал секретов.

Оставался один путь — получить самые ранние чертежи Орделиона, Первейший План, созданный еще до строительства. Тот содержал схему всех тайных лестниц, туннелей и ходов, но охранялся настолько надежно, что даже сам Король не мог ознакомиться с чертежами, не уведомив о том начальника королевской стражи. И пока что Омарейл в допуске к ним отказали.

Однако и летопись Доминасолис, книгу, в которую методично записывали все тщательно охраняемые тайны династии, ей дали не сразу. Омарейл не один день упрашивала мать принести ей том хотя бы на несколько дней. Если кто-то и мог смягчиться, так это она. Омарейл получила летопись на четверо суток, и за

это время переписала ее всю. На исходе четвертого дня руки ее едва слушались, глаза болели, а сама рукопись заняла все страницы сборника сказаний и легенд Ордора: чтобы не вызывать подозрений заказом такого количества тетрадей, она взяла самый увесистый альманах в своей библиотеке и писала прямо поверх порядком выцветшего текста.

Раздалась мелодичная трель — звонок оповещал о том, что подали завтрак. Омарейл прошла через гостиную к изящной двери с цветочным орнаментом из малахита и яшмы, открыла ее и оказалась в передней комнате. Там на столике стоял поднос, накрытый серебряным куполом. Поворот рычага — и столик, негромко позвякивая приборами, проехал по рельсе в гостиную и остановился у обитой изумрудным бархатом кушетки. Хозяйка комнат тоскливо взглянула на высокие дубовые двери, за которые не выходила ни разу за свои двадцать два года, и отправилась завтракать.

Она мало внимания уделяла тому, что ела. Ее мысли были заняты устройством города. Она представляла себе сердце Астрара, просторную Площадь Салкан, что лежала за Северными воротами. Ее воображение живо рисовало залитые светом проспекты, разъезжающие по ним омнибусы и конные трамваи, торговые лавки с немыслимыми товарами и куда-то спешащих людей. Последних ее мысленный взор рисовал хуже всего: это были лишь бесформенные пятна, одетые в самые разные наряды. Она никогда не видела живого человека; только собственное отражение в большом зеркале, да тайком добытые журналы и фотографии давали ей представление о том, как выглядели люди. И еще, разумеется, несколько портретов, что висели в ее комнатах, но те были лишь бледной тенью реальных личностей.

Покончив с завтраком, Омарейл произнесла в бронзовый громкоговоритель:

— Стража, я приступила к занятиям. Прошу меня не беспокоить.

Давно уже не было необходимости говорить об этом: за последние два года все обитатели замка привыкли к тому, что вплоть до обеда — в два часа — Омарейл уединялась в своих покоях и никого не принимала. Она последовательно приучала к этому все свое окружение.

Омарейл подошла к большому портрету на стене. Его Величество Король Ордора и Старший Патер Астрара Горг Златовласый смотрел на нее с укором. Омарейл впервые заметила, что взгляд деда был осуждающим и строгим, еще в шестилетнем возрасте. Тогда она решила, что портрет повесили сюда специально, чтобы, стоило ей задумать шалость, суровый лик Горга Златовласого заставлял ее одуматься.

Когда-то это работало, но те дни давно прошли.

Осторожно отодвинув портрет в сторону, она уставилась на дыру в кирпичной кладке. Проем был достаточно большим, чтобы хрупкая девушка могла пролезть в него. Сжав в руках порядком помятый серебряный нож, Омарейл залезла в каменную нору и взялась за дело. Вот уже шестнадцать месяцев это занятие являлось частью ее утреннего ритуала.

Кирпич хорошо крошился даже под мягким металлом, но дело все равно шло очень медленно. Если бы только у нее был хороший клин и молот! Но шум обязательно привлек бы внимание стражи. Да и заказ таких инструментов в комнаты вызвал бы ненужные вопросы.

Три часа монотонного занятия — и целый мешок наполнился строительным мусором. Омарейл оттащила его в оранжерею, где приоткрыла большое окно и принялась неторопливо выбрасывать обломок за об-

ломком в бурное море. Не следовало выкидывать все разом, так как ветер мог унести мусор на соседнюю Птичью стену, или водный патруль мог обратить внимание на странности, происходившие в Лебединой башне. Омареил нельзя привлекать внимание.

Порядком устав, она все же решила в этот день потратить на тайный ход немного больше времени, чем обычно, и вернулась в нору. Одно движение — и Омареил поняла, что дошла до конца. Толщина стены составляла около семидесяти сантиметров, как девушка и рассчитывала, и вот она увидела заднюю поверхность холста. Ее предположения и здесь оказались верны: по плану именно на этом месте должен был висеть портрет Эйгира Доминасолиса, ее отца.

Бешеный стук сердца невозможно было унять ни глубоким дыханием, ни мысленным счетом до десяти. Все еще до конца не веря в свое счастье, Омареил принялась осторожно убирать осколок за осколком, чтобы сделать отверстие больше. Предстояло еще много работы, но теперь, впервые за несколько месяцев по-настоящему ощутив запах свободы, Омареил не чувствовала усталости.

Время обеда настало слишком быстро, но, едва услышав набившую оскомину трель, она поняла, как проголодалась. Столик на колесах проделал свой путь по блестящей рельсе, Омареил поставила поднос на обеденный стол и с аппетитом съела все, что приготовили для нее королевские повара.

Вернув на место портрет Горга Златовласого, умывшись от грязи и пыли и сменив платье, она убрала с письменного стола все планы и книги и прошла в Комнату Встреч.

В это время в гостиной, спальне и библиотеке на втором этаже слуги наводили порядок. Омареил же общалась со своим ближним кругом.

Первыми пришли родители. С ними разрешалось пользоваться зеркалом. Впрочем, зеркалом оно было только для нее. Король и Королева видели свою дочь точно через стекло. Так того требовало пророчество, и так они могли ухаживать за Омарейл, когда та была совсем малышкой. Специальные механизмы разрабатывались лучшими изобретателями Ордора, чтобы можно было менять пеленки, кормить и даже купать младенца, не находясь с ним в одной комнате.

— Из казны были выделены средства на строительство дополнительного корпуса Королевского госпиталя в Лебрихане, — делился Король. — Он будет располагаться за пределами города, но добраться туда можно на специально запущенном омнибусе. Инженеры уже показали мне проект, выглядит многообещающе. Вообрази, там появятся парк для оздоровительных прогулок и целое крыло — под детские палаты. С комнатой для игр и кукольным театром.

Омарейл скупающе рассматривала резной деревянный потолок, забыв на мгновение, что родители могли ее видеть.

— Ваше Высочество, — строго сказал отец. — Это не досужие толки. Это то, чему вы должны уделять пристальное внимание. Однажды принятие решений о распределении средств будет твоей обязанностью, Омарейл. И что ты будешь делать?

— Бериот позаботится об этом, не так ли? — с вызовом ответила она, понимая, что перечит Королю лишь от скуки.

— И Ордором будет править Советник!

Королева, почувствовав назревающую бурю, поспешила сменить тему, мягко заметив:

— Кроме того, Омарейл, мы много раз говорили тебе, что принцессе не пристало закатывать глаза. Даже если собеседник тебя не видит, ты должна со-

хранять осанку и благожелательное выражение лица. И ни в коем случае не вздыхать!

Подобные вспышки упрямства со стороны Омарейл не были редкостью, хотя со временем ее нрав и смягчился. Когда-то все считали, что во всем виноват переходный возраст. Недавно же она поняла, что сердца родителей намеренно. В глубине души она винила их в том, что они позволили предсказанию определить ее судьбу и навсегда заточить в башне.

Позже в тот день к Омарейл пришла Севастьяна. С кухней ей разрешалось говорить только через непроницаемую стену со встроенными в нее глиняными сосудами. Благодаря такой системе голос собеседника слышался так, будто человек находился в этой же комнате.

— Думаешь, ты могла бы достать для меня Первейший План?

Севастьяна рассмеялась.

— Ну знаешь, лучше бы ты попросила у меня луну с неба.

Омарейл пропустила это мимо ушей.

— Думаю, я знаю, как можно сделать это. Только представь, мы могли бы узнать про все тайные ходы замка...

— Зачем? Ну, предположим, я могла бы проходить из королевского корпуса в Лебединую башню в два раза быстрее. К чему это?

— Ну, где твой авантюризм, Севас? — с толикой раздражения спросила Омарейл, а затем пустила в ход свой главный козырь: — Ты же знаешь, как мне здесь одной скучно... Если бы мы получили Первейший План, а затем изучили все тайные ходы Орделиона, разве это не стало бы потрясающим приключением?

Тишина в ответ говорила о том, что Севастьяна готова сдать. Она знала, что ею манипулировали, но никогда не могла противостоять этому.

— Только подумай, скоро ты выйдешь замуж и уедешь от меня. Возможно, это наша последняя шалость...

— Шалость! Если об этом узнают, мне так достанется! — недовольно отозвалась Севастьяна, но по чуть дрогнувшему голосу Омареил поняла, что сопротивление было практически сломлено.

— Никому не нужно об этом знать, — продолжила она заговорщически. — Никто ведь не узнал про спортивный костюм, про пластинку Блудниц, про дамские романы, про фотографии Астраара...

— Ради Солнца, не напоминай мне об этом, у меня до сих пор руки дрожат! — воскликнула Севастьяна. — И это, вообще-то, совсем другое. Одно дело пронести к тебе контрабанду, другое — украсть самую охраняемую книгу в Ордоре!

— Мы не будем ее красть, Севас. Мы просто сделаем копию.

— Это государственная измена, — прошептала Севастьяна сокрушенно, и Омареил представила, как ее сестра качает головой.

Омареил легко находила себе оправдание.

Ее появления на свет ждало все королевство Ордор. Седьмого числа седьмого месяца 540 года Доминасолис у Короля Эйгира родилась дочь, наследница престола. Но не успели родители согреть малышку в своих объятиях, как произошло страшное событие, изменившее всю жизнь королевской семьи.

Госпожа Дольвейн, или Сова, как некоторые звали ее, едва взглянув на девочку, упала без сознания. Когда женщина очнулась — всего через полминуты — ее глаза почернели.

Как потом рассказывали все, присутствовавшие при этом, еще до того, как Сова смогла вымолвить хоть слово, каждого в комнате охватил ужас.

— Мое сердце точно пронзило холодом, — говорил главный придворный лекарь.

— Мне никогда в жизни не было так... страшно, — признавался Бармотон, начальник королевской стражи, могучий воин, отправивший за решетку бесчисленное количество убийц и воров.

Сова заговорила не своим голосом:

— Грядет страшная война. Тысячи падут мертвыми у стен Орделиона. Отцы и матери, дочери и сыновья оставят свои семьи и станут жертвами самой кровавой битвы за всю историю Ордора. Брат пойдет на брата, сын — на мать, ибо это будет гражданская война. Война страшнее, чем до Сола, нашего Первого Патера.

Никто из присутствующих не мог пошевелиться или вымолвить хоть слово. Все знали, что Сова способна видеть то, что не видят другие, угадывать правду за самой талантливой ложью и каким-то волшебным образом заставлять других верить в свои слова. Никто и на секунду не усомнился в том, что сделанное предсказание было Самым Настоящим Пророчеством. А к пророчествам в Ордоре относились со всей серьезностью.

— Ключ к миру, — продолжила Сова, — Омарейл Эйгир Доминасолис, дочь Афлейн. Покуда ни одна живая душа, кроме трех, не увидит ее лица, покуда она не увидит ни одного живого лица, покуда стена разделяет ее и Ордор, в королевстве будет мир.

Иногда Омарейл думала, что лучше бы Сова предсказала, будто от войны спасет смерть младенца.

Для наследницы престола были созданы самые лучшие условия. Пока она была малышкой, манеж, служивший ей кроваткой, прикреплялся к стене с двумя